

Глава 17

Из-за выходки Лу Жунхуая Чу Юань провёл остаток пира, сосредоточенно изучая содержимое своей тарелки. Он даже ресниц не поднимал, боясь лишний раз привлечь к себе ненужное внимание.

Когда пришло время церемонии совершеннолетия Нин Юйцяна, по правилам обряда приглашённый помощник должен был расчесать юноше волосы и закрепить на его голове венец. Однако в самый ответственный момент произошла заминка.

Нин Юйцян пожелал, чтобы его увенчал именно Лу Жунхуай.

Любопытные взгляды гостей мгновенно скрестились на князе Ли. Юноша, затаив дыхание, протянул брату шкатулку со шпилькой, с надеждой глядя ему прямо в глаза.

Тот даже не шелохнулся.

Маркиз Сюаньнин, стоявший рядом, негромко, но строго одёрнул сына:

— Юйцян, не глупи. Разве подобает Его Высочеству князю совершать подобное?

Но юноша проявил неожиданное упрямство:

— Его Высочество — особа благородная и к тому же мой двоюродный брат. У него есть все права на то, чтобы закрепить мой венец.

Лу Жунхуай лишь едва заметно качнул головой.

— Я не подхожу для этой роли, — холодно отозвался он.

— Брат Жунхуай, я хочу, чтобы это сделали именно вы, — взмолился Нин Юйцян.

Он стоял перед князем, закусив губу и глядя с такой мольбой, что любой другой наверняка бы сдался. Однако Лу Жунхуай остался безучастен. Он лениво подпёр голову рукой, и в его взгляде сквозило лишь ледяное безразличие.

— Юйцян, я не стану повторять дважды.

Глаза юноши мгновенно наполнились слезами. Он продолжал стоять перед братом, олицетворяя собой высшую степень обиды.

Маркиз Сюаньнин, видя, что обстановка накаляется, поспешил подойти и увести сына. По залу пополз шепоток, и сам хоу не смог скрыть досады.

— Юйцян с детства уважал и любил вас, Ваше Высочество. Даже если вы не желаете участвовать в обряде, не стоило быть столь суровым и позорить его перед всеми гостями.

— Отец, не надо, — прошептал юноша, схватив родителя за рукав и шмыгнув носом.

Услышав всхлип сына, маркиз окончательно утвердился в мысли, что его племянник — человек чёрствый и не знающий сострадания.

Несмотря на укоризненные взгляды, направленные на него со всех сторон, Лу Жунхуай сидел невозмутимо, словно каменное изваяние. На обвинения маркиза он и вовсе не счёл нужным отвечать.

Чу Юань не удержался и искоса взглянул на супруга.

Князь Ли мгновенно перехватил его взгляд и иронично выгнул бровь:

— Наконец-то ты соизволил на меня взглянуть?

Юноша поперхнулся воздухом, не зная, что на это сказать.

В зале повисла тишина.

«Серьёзно? В такой обстановке вы двое продолжаете обмениваться кокетливыми взглядами?»

— Ты сыт? — неожиданно спросил Лу Жунхуай.

Чу Юань, уловив скрытый смысл вопроса, едва заметно кивнул.

В глазах князя промелькнуло удовлетворение. Он поднялся с места, потянув супруга за собой.

— У нас с Юанем есть дела, так что мы вас покинем. Приятного вечера, — бросил он гостям и, не дожидаясь ответа, повёл супруга к выходу.

— Брат Жунхуай! — выкрикнул Нин Юйцян, порываясь броситься следом.

Маркиз Сюаньнин крепко удержал его за плечо, помрачнев:

— Пусть идёт. Сегодня твой праздник, не смей устраивать сцен.

— Но... — юноша с тоской смотрел на закрывающиеся двери.

— Ничего, — маркиз глубоко вздохнул, стараясь вернуть себе внешнее спокойствие. — Когда я в следующий раз навещу во дворце драгоценную наложницу Нин, то вскользь упомяну об этом. Если ей дорог сын, она найдёт способ его образумить.

Юйцянь понуро кивнул.

«Но в глубине души он не верил в успех отцовского плана. Если тётушке и впрямь был дорог её сын, разве она оставила бы его без поддержки на все эти годы?»

— У меня назначена встреча, господин маркиз. Позвольте откланяться, — Не Чоувэнь тоже поднялся со своего места.

Тот поспешно сложил руки в приветствии:

— Доброго пути, канцлер Не.

Старик степенно кивнул и, поглаживая седую бороду, уверенным шагом вышел из зала.

У ворот поместья хоу Сюаньнина

Экипаж из поместья князя Ли ожидал в соседнем переулке. Супруги стояли у ворот, соблюдая приличную дистанцию — между ними вполне могли бы поместиться ещё два-три человека.

Вскоре за их спинами раздался голос Не Чоувэня:

— Супруг князя Ли, прошу, подождите!

Чу Юань обернулся, на его лице отразилось удивление. Лу Жунхуай же с нескрываемым интересом переводил взгляд с Юаня на подошедшего канцлера.

— Канцлер Не проявляет к моему супругу удивительное упорство, — проговорил он с едкой иронией.

Не Чоувэнь даже не удостоил его взглядом. Спустившись со ступеней, он мягко обратился к

юноше:

— Я ежегодно провожу поэтические собрания. В этом году из-за множества дел встречу пришлось перенести на двадцать пятое число двенадцатого месяца. Не желает ли супруг князя Ли почтить нас своим присутствием?

Глаза Чу Юаня на мгновение вспыхнули радостным блеском, но тут же погасли. Он покачал головой, вежливо отказываясь от приглашения:

— Благодарю за вашу милость, канцлер Не, но мне не подобает посещать подобные мероприятия.

Старик тут же свирепо воззрился на Лу Жунхуая, опасно прищурившись:

— Это князь Ли запретил тебе?

— ... — Тот едва не расхохотался от возмущения. — Разве я хоть словом обмолвился о запрете?

Лу Жунхуай прекрасно понимал сомнения Чу Юаня. Статус супруга князя накладывал определённые ограничения, а на поэтических встречах обычно собирались одни мужчины — пересудов было не избежать. Однако он всё же решил подлить масла в огонь:

— Канцлер, что это значит? Вы приглашаете моего супруга, но игнорируете меня?

— А тебе там что делать? Драться или людей убивать? — парировал Не Чоувэнь.

— Одно другому не мешает, — притворно задумался князь Ли.

Старый канцлер, проигнорировав этого Бога Резни, продолжил убеждать Юаня:

— В саду есть уединённые павильоны. Если вы опасаетесь чужих взглядов, то можете оставаться в одном из них. Я предупрежу учеников, чтобы они не тревожили гостя.

После таких слов Чу Юаню было неловко отказывать. К тому же ему и впрямь хотелось там побывать. Ещё в государстве Чу он слышал о мудрости этого человека и втайне восхищался его талантом.

— Мы придём, канцлер Не, не беспокойтесь. До встречи, — в этот момент к воротам подали карету.

Договорив, Лу Жунхуай потянул Юаня за собой в экипаж. Не Чоувэнь поначалу обрадовался,

но тут же осознал, что князь намерен прийти вместе с супругом.

Он с негодованием посмотрел вслед удаляющейся карете.

«Бесстыжий юнец!»

В карете

Чу Юань сидел чинно и неподвижно. Заметив, что Лу Жунхуай закрыл глаза, он, пользуясь случаем, скрыл руки в широких рукавах и принялся осторожно растирать запястье.

Хватка у князя была стальной. Когда он затаскивал Юаня в экипаж, кожа на его запястье заметно покраснела.

Юноша старался действовать как можно тише, но Лу Жунхуай, словно обладая каким-то сверхъестественным чутьём, не открывая глаз, вынес вердикт:

— Неженка.

Чу Юань замер, его уши вмиг вспыхнули пунцовым цветом.

С самого детства его кожа была необычайно чувствительной: малейшее прикосновение оставляло на ней заметные следы. По сравнению с другими мужчинами он и впрямь казался слишком хрупким. Слышать подобное определение в свой адрес было крайне неловко, лицо юноши обдало жаром.

До самого поместья они не проронили ни слова.

Поместье князя Ли

Лу Жунхуай, поглощённый своими мыслями, лишь ненадолго заглянул в кабинет, после чего отправился в спальню. Сянь Фэн, удивившись такому раннему отдыху, решился спросить:

— Хозяин, вы неважно себя чувствуете?

— Нет. Ступай.

Князь Ли закрыл глаза, не желая пускаться в объяснения. В его голове крепло одно подозрение, подтверждение которому он надеялся найти в наступающем сне.

Ночь

Той ночью Лу Жунхуай снова увидел видение.

Во сне стоял лютый холод. Земля была скована льдом, а небо затянуто серой хмарью. Одного взгляда Лу Жунхуаю хватило, чтобы понять — это Северные рубежи.

Сквозь бушующую метель к нему шла фигура. Человек спотыкался, выглядя в этой бескрайней снежной пустыне маленьким и бесконечно одиноким.

Князь услышал собственный голос:

— Тебе не нужно идти за мной... Не стоит тебе терпеть эти лишения.

Чу Юань подошёл к нему почти вплотную. Его руки были покрыты болезненными обморожениями, а лицо утратило былое изящество. Кожа потрескалась от ветра, губы приобрели мертвенно-синюшный оттенок.

Дрожащими пальцами он достал из-за пазухи кусок замерзшей, твердой как камень лепёшки и вложил её в ладонь Лу Жунхуая.

— За каплю добра должно платить сторицей, — прошептал юноша. — Князь когда-то защитил меня, и я никогда этого не забуду.

<http://bllate.org/book/15308/1354319>